

**КРУПНАЯ КРЕПОСТНАЯ ВОТЧИНА И ОСВОЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ СРЕДНЕГО
ПОВОЛЖЬЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ВЛАДЕНИЙ ОРЛОВЫХ
И ОРЛОВЫХ-ДАВЫДОВЫХ В РАЙОНЕ САМАРСКОЙ ЛУКИ)****

В статье анализируется история формирования, расширения, разделов крупнейших помещичьих владений Поволжья, принадлежавших Орловым и Орловым-Давыдовым. Показана роль хозяев крепостной вотчины и их крестьян в заселении и освоении земель на Юго-Востоке Европейской России.

Ключевые слова: Россия в XVIII–XIX вв., история Поволжья, колонизация, крупное помещичье землевладение, крепостничество.

В последней трети XVIII – первой половине XIX в. имения графов Орловых и их потомков, расположенные на Средней Волге, выделялись своими размерами и многолюдностью среди других крепостных вотчин. Несмотря на продолжительную историографическую традицию изучения крепостных вотчин Орловых, его нельзя считать законченным. В современных исследованиях затрагивались отдельные вопросы прошлого орловских сел и деревень в районе Самарской Луки. В их числе можно назвать управление помещичьим хозяйством [1], изменение границ вотчин и принадлежности имений [2, с. 17–53], развитие в этих селениях народного образования [3, с. 48–53], здравоохранения [4, с. 103–111], храмового строительства [5, с. 66–69], взаимоотношения владельцев [6] и различных групп населения этих имений [7, с. 81–88]. В данной статье рассматривается состав и население орловских владений в тесной связи с процессом освоения новых земель, особенно в степном Заволжье. Основными источниками послужили материалы Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА), Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (далее – РГБ ОР) и Государственного архива Ульяновской области (далее – ГАУО).

В ответ на просьбу пяти братьев Орловых весной 1768 г. был издан указ об обмене их разбросанных по разным уездам и губерниям малоземельных вотчин на огромное компактное владение на Средней Волге. Население здесь было к тому же на 2,5 тыс. ревизских душ больше, чем в прежних их вотчинах вместе взятых, и составляло 9571 душ м. п. [8].

В собственность Орловых на Самарской Луке и в ее окрестностях перешли все земли и крестьяне, подведомственные государству (ясачные и экономические) и дворцу. До поры до времени никто даже не мог точно назвать площадь данной вотчины, так

* © Смирнов Ю.Н., 2012

Смирнов Юрий Николаевич (smimov195503@yandex.ru), кафедра документоведения Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

как к Орловым помимо освоенных и обмеренных земель отдельных селений автоматически перешли все неосвоенные территории Луки, считавшиеся до этого казенной собственностью. В основном это были обширные лесные пространства по Жигулевским горам. Начавшееся вскоре межевание должно было закрепить за Орловыми их приобретения, а также предоставляло возможности для расширения землевладения.

По Межевой инструкции помещики имели право получить определенное число десятин земли на каждую ревизскую душу, если вблизи их селений были свободные неосвоенные угодья. Лука и так оказалась у Орловых, поэтому их взоры обратились за ее пределы, на степное левобережье. Там основывались новые села и деревни, куда переместились жители из многих мест Самарской Луки. Тем самым одновременно снимались земельные нужды в старых селениях и увеличивалась площадь угодий, на которые могли претендовать Орловы в новозаселяемых районах.

Межевали свои владения Орловы по частям. Начинали с тех волостей, грани которых не соприкасались с порожжими землями. В 1769 г. бывшую дворцовую Рождественскую волость вместе с близкими ясачными поселениями, крупнейшим из которых тогда были Аскулы, обвели одной межей, составив единую «дачу» — землевладение под названием «Аскульская и Рождественская волости». Их общая площадь — 131 тыс. дес., из которых 14 тыс. дес. пашни, более 31 тыс. дес. сенных покосов, свыше 72 тыс. дес. леса [9].

Кроме Аскул и Рождествена в эти волости входили Сосновый и Березовый Солонцы, Брусяны и Чувашская Брусяна, Винновка, Бахилово, Шелехметь, Торновое, Севрюкаево, Кармалы, Подгоры, Выползово, Новинки. Первоначально здесь же числились мордовские и чувашские деревни Ширяевские Вершины, Чуракаевка и Борковка, но в конце XVIII — начале XIX в. их жители были полностью выселены в другие селения на Луке и за ее пределами.

В Усольскую волость Орловы при межевании 1771 года включили как западные районы самой Луки, так и степные новозаселенные земли к югу от нее. На Луке в нее входили Усолье, Ахтуши, Жегули, Александровка, Валы, Б. и М. Рязань, Переволоки, Московка, Тайдаково, Березовка, Комаровка, Львовка. Размежевание собственно Усольской волости на Луке от заволжской Екатерининской волости произошло уже в начале XIX в. и показало территорию первой почти в 82 тыс. дес., из которых 24 тыс. дес. пашни, 13,5 тыс. дес. сенных покосов, более 35 тыс. дес. леса [10].

На Луке осталось несколько разнопоместных селений (Кольцово, Мордово, Моркваша, Ермаково, Осиновка, Ширяево), даже в совокупности значительно уступавших по площади и населению владениям Орловых. Самой крупной из не доставшихся здесь Орловым «дач» Самарской Луки были земли с. Печерского, заселенного пахотными солдатами (одной из категорий государственных крестьян).

После смерти старших братьев Орловых, Ивана и Григория, был осуществлен первый раздел бывшей совместной вотчины. Самарское имение поделили между Федором и Владимиром Орловыми, что было закреплено в официальном акте 1794 г. Основная часть селений на Луке досталась Владимиру, а Федору из Усольской и Аскульской волостей выделялись Переволоки, Брусяны, Чувашская Брусяна, Винновка, Б. Солонец, Севрюкаево, М. Рязань, Комаровка, Львовка, Тайдаково [11].

В 1797 г. было объявлено о начале Генерального межевания в Симбирской, Саратовской и Оренбургской губерниях в полном масштабе. Это стало важнейшей акцией правительства, необходимой для упорядочения землевладения, разрешения споров по поводу сельскохозяйственных угодий, поощрения к освоению новых территорий. Помещики были поставлены при этом в самые благоприятные условия, что стимулировало их активность в приобретении земель и заселении их своими крепостными.

Начало масштабных межевых работ позволило поверенным В.Г. Орлова возбудить в 1798 г. громкую земельную тяжбу против горожан Ставрополя и Ставропольского

калмыцкого войска. В результате этого дела за Орловым была утверждена «поверстная дача» вдоль левого берега Волги площадью в 26 тыс. дес., которые отрезались у Ставрополя, у калмыков Подстепновского улуса, из свободных казенных земель. На «поверстную дачу» были переселены крепостные мордовские крестьяне с Самарской Луки, основавшие деревню Мордовскую Борковку, и часть жителей с. Кунеева Карсунского уезда, которые назвали новый поселок Кунеевкой. До сих пор последнее название используется в разговорной речи для обозначения выросшего на этом месте Комсомольского района современного г. Тольятти.

На том же левом берегу Волги в 1801 г. В.Г. Орлов купил село Рязаново в Ставропольском уезде. Однако граф предпочитал покупки более дешевых ненаселенных земель. Об этом он сам писал: «Для меня выгоднее купить землю для переселения оброчных крестьян, нежели покупать деревни». В том же уезде на купленных в 1810 и 1813 гг. незаселенных землях (до 6 тыс. дес.) было основано сельцо Аннинское, куда перевели 277 душ м. п. из калужских вотчин его снохи А.И. Орловой [12].

Смерть Федора в 1796 г. потребовала нового перераспределения имений между последними живыми братьями Алексеем и Владимиром, до осуществления которого фактическое управление бывшей совместной вотчиной на Волге сосредоточилось вновь в руках В.Г. Орлова. По новому раздельному акту 1802 г. почти все села и деревни Федора Орлова на Самарской Луке отходили Владимиру, за исключением Переволок, Винновки и Березового Солонца, доставшихся Алексею Орлову-Чесменскому. Крепостных крестьян из Чувашской Брусяны братья разделили было пополам, но Алексей отдал свою половину деревни младшему брату в обмен на Кармалы [13].

Очень скоро все поволжские имения Алексея Григорьевича, умершего в декабре 1807 г., наряду с недвижимостью в других губерниях России отошли единственной законной наследнице, его дочери Анне Орловой-Чесменской.

Граф В.Г. Орлов умер последним из братьев, в 1831 г. В отсутствие сыновей доли в наследстве получили его дочери или их дети. Так, поволжские имения были поделены между дочерью графа Екатериной Владимировной Новосильцевой и его внуком от дочери Натальи Владимиром Петровичем Давыдовым (с 1856 г. ставшим графом Орловым-Давыдовым). Первая получила на Луке Аскульскую и Рождественскую волости, второй – Усольскую.

Попытки Давыдова уговорить многочисленных мелких помещиков продать ему их имения на Самарской Луке оказались безуспешными. Лишь помещик Путилов продал ему свою долю в Кольцовке (264 десятины и 25 крестьян). Крупных приобретений здесь внук В.Г. Орлова и другие потомки последнего могли ожидать в виде наследства от А.А. Орловой-Чесменской, которая так и не вышла замуж, и от Е.В. Новосильцевой, чей единственный сын погиб на дуэли. Однако А.А. Орлова-Чесменская в 1843 г. продала свои вотчины в Среднем Поволжье, в том числе на Самарской Луке, удельному ведомству, которое в XIX в. управляло владениями императорской фамилии, а вырученные деньги, как и все остальное состояние, поспешила истратить на пожертвования церкви, не оставив ничего после своей смерти родственникам. Переволоки, Винновка, Кармалы и Березовый Солонец составили Переволоцкий приказ сначала Самарской, а затем Сызранской удельной конторы.

Смерть Новосильцевой в 1848 г. привела к разделу принадлежавших ей имений на Самарской Луке между ее племянниками В.П. Давыдовым и В.Н. Паниным, сыном Софьи Владимировны, урожденной Орловой. По раздельному акту 1850 года Давыдов получил Аскульскую волость (Аскулы, Сосновый Солонец, Севрюкаево, Бахилово, Брусяны). Рождественская волость досталась Панину [14].

Накануне Крестьянской реформы 1861 г. в руках В.П. Орлова-Давыдова сосредоточилась на Средней Волге огромная Усольская вотчина, занимавшая обширные тер-

ритории как на самой Самарской Луке, так и за ее пределами. К доставшимся от деда и тетки селениям он прибавил новые, основанные им здесь. В их числе были деревни Ольгино, Благодатная, Сытная, Услава, Отважная, Карловка. А вот старую деревню Московку под тем же названием владелец перенес на левый берег Волги близ Ставрополя. Вотчина для удобства управления делилась на имения-волости. Собственно на Луке располагались волости Усольская, Жигулевская, Аскульская.

По своим размерам вотчина Орлова-Давыдова лишь немногим уступала поволжским владениям деда и его братьев. В итоге к 1854 г. в этих владениях на Самарской Луке и ее окрестностях насчитывалось более 195 тыс. дес., в т. ч. около 83 тыс. дес. пашни [15, с. 50].

Из своей вотчины в 1856 г. Орлов-Давыдов выделил в приданое дочери Наталье, вышедшей за князя Д.Н. Долгорукова, Аскульскую волость, но без Брусян и Бахилова. Схожая судьба была у Рождественской волости, которую получила О.В. Левашова, дочь В.Н. Панина.

Таким образом, накануне Крестьянской реформы крупнейшие земельные владения на Самарской Луке, одновременно являвшиеся крепостными общинами-волостями, принадлежали В.П. Орлову-Давыдову (центры – с. Усолье и с. Жигули), О.В. Левашовой (центр – с. Рождествено), Н.В. Долгоруковой (центр – с. Сосновый Солонец). Небольшими по сравнению с ними выглядели имения других здешних помещиков.

Регулятором численности населения в помещичьих селах были интересы барского хозяйства. Основной инструмент регулировки числа крепостных – массовые переселения. С их помощью уменьшалось количество выделенной крестьянам наделной земли и увеличивалась при возможности барская запашка в селениях, откуда шел вывод крестьян. В новых селениях заранее рассчитывалось максимально выгодное помещику соотношение крестьянских наделов и барской запашки, заранее определялось число переселенцев и их состав.

Почти каждый из этих крупных помещиков имел благоприятную для организации переселений связку из землевладений на правобережье и за Волгой. Подобным образом поступали, избавляясь от земельной тесноты и чересполосицы в местах давнего освоения, представители многих дворянских семей, которые старались обзавестись заволжскими целинными угодьями [16, с. 168]. Особо заметными были переселения, в которые вовлекались жители крупнейшего землевладения на Самарской Луке – вотчины Орловых.

Первым массовым переселением руководил старший из братьев Иван Орлов, оставивший всякую государственную службу, чтобы управлять всей тогда еще не разделенной средневожской вотчиной. Оно началось в 1770 г., когда еще не прошло и двух лет после перехода этих земель в собственность Орловых. Первым появилось на левом берегу село Екатериновка. Его в основном заселили выходцы из Рождествена, Новинки, Жигулей. В том же году переселенцы из Переволок и Тайдаковой обосновались в Александровке, а из Брусян – во Владимировке. В 1771 г. крестьяне из Рождествена заселили Федоровку, из Винновки – Григорьевку, из Аскул и Сосново-го Солонца – Алексеевку, из чувашских деревень Чуракаевки, Яблонной и Безводовки – Ивановку (Никольское). На новые места жители Чуракаевки, Яблонной и Ижбулдиной были сведены полностью, из Рождествена и Безводовки переселилось более половины жителей, значительно сократилось население Винновки, Аскул, Сосново-го Солонца, Б. и М. Рязани, Переволок. Также были затронуты переселениями, но в меньшей степени, Новинки, Жигули, Тайдаково, Брусяны [17].

Вторая мощная волна массовых переселений поднялась в самом начале XIX в. после окончательного раздела владений между последними из оставшихся в живых

братьями Алексеем и Владимиром. Неопределенность в разделе вотчины особенно задевала В.Г. Орлова и его управителей, помышлявших об увеличении барской запашки в поволжских владениях. Для этого требовалась полная свобода рук в распоряжении крепостными душами, чтобы осуществить их перевод на свободные плодородные земли. Без формального раздела владений такой свободы быть не могло. В 1797 г. был отложен перевод жителей Кармалов, где ощущалось малоземелье. В 1802 г. усольский управляющий опять вспоминал «Кармалы, которые не переведены были по причине неразделу 4 года, да еще и Сосновый Солонец; а когда бы поступили на пашню, то в 3 года принесли бы излишнего дохода 30000 руб., кроме получаемого». Срывалось и переселение из Брусян за Волгу в Русскую Борковку, задуманное, чтобы «земли выведенных крестьян обратить в господскую пашню» [18, с. 73].

Договорившись окончательно о родственных разделах, братья поспешили с переселениями в Заволжье крепостных крестьян из разросшихся численно селений на Самарской Луке. Однако бывшая общая заволжская Екатерининская волость оказалась во владениях Орловых-Чесменских, поэтому Владимиру Орлову пришлось завести в степи собственные села и деревни, где для этой цели были куплены значительные незаселенные участки общей площадью в 30 тыс. дес. удобной земли, а с учетом неудобий — до 45 тыс. дес.

Земли приобретались не наобум, а с точным расчетом. Поверенные графа объезжали и осматривали уголья в Самарском Заволжье. Затем по их сообщениям велись переговоры в Петербурге с потенциальными продавцами земли, которых убеждали добиваться пожалования конкретных участков, облюбованных орловскими управителями.

В июне 1799 г. Орлову донесли, что графу Гурьеву «пожаловано в Симбирской губернии 20 тысяч десятин на выбор, можно с ним снестись, не продаст ли оную, а для переселения крестьян Вашего Сиятельства очень нужна». В ноябре с Гурьевым удалось предварительно договориться. А в июле следующего года был сделан «заказ» на несколько тысяч десятин «по обе стороны оврагов Теплого Стана и Лопатинских Розсошей и речки Свиноухи», куда предполагалось переселить 800—1000 ревизских душ. Формально в указанном месте Гурьев, а от него Орлов, получил немногим более 9 тыс. дес., на самом же деле вместе с неудобьями, отдававшимися бесплатно, здесь было 12 тыс. дес. У «хороших» землемеров, которых графские поверенные умело подкупали, в неудобья записывались некоторые вполне пригодные к использованию уголья. В 1807 г. к купле Орлова было примезжено около 2 тыс. дес. компенсации за якобы обнаруженные на участке новые неудобья. Также действовал безотказно прием отеснения возможных конкурентов от водопоя в качестве средства нажима. Для покупки у жены Гурьева в 1800 г. были подобраны близко «к Сухой Ерыкле за болотом Матугой 5000 десятин, дабы хутор Резанский и другую воду захватить во владение и тем самым весь край степи может оставаться без всякого найма» чужими крестьянами и землевладельцами. Позднее здесь возникло село Натальино. Продавцы пожалованной земли и сами искали покупателей. Приятель и поверенный Орлова симбирский помещик Мещеринов в октябре 1799 г. сообщал, что некий «Порошин был у него. Ему пожаловано в Симбирской и Саратовской губерниях земли 20 тыс. дес. <...> Он много должен, намерен продажею земли долг заплатить, а потому и может продавать за сходную цену». Предложение Орлова Порошин без проволочек принял [19, с. 179—180].

На новых заволжских землях были основаны Покровка, Воскресенка, Троицкое, Воздвиженка, Преображенка, Сретенка и Преполовенка. В них было переселено с Самарской Луки с 1804 по 1811 гг. в общей сложности до 4 тыс. жителей обоего пола

из Рождествена, Новинок, Подгор, Выползовой, Торнового, Шелехмети, Брусаян, Валов, Александровки, Аскул, Кармал, Б. и М. Рязани, С. Солонца, Тайдакова. Это была самая крупная в истории помещичьего освоения Самарского Заволжья акция, сопоставить с которой можно только образование Екатерининской волости в 1770-х гг. Интересно, что при обоих этих массовых переселениях Орловы использовали практически только старожильцев Самарской Луки. Добровольцев к этому переселению начала XIX в. практически не нашлось. На новые места в первую очередь отправляли в принудительном порядке погорельцев, безлошадных и прочих бедняков, которые в прежних своих жительствовах сдавали надельные участки более справным соседям, а сами жили работой по найму и лесными промыслами. Вотчинной администрацией было «определено, чтобы их отдалить от города и прервать пропитание их от лесов, а сделать хлебопашцами» [20].

В селениях на Самарской Луке были разобраны несколько сот дворов. Их вместе с обитателями где по воде, где на лошадях перевозили в назначенные под жилье места. Работали не только переселенцы, но и все их соседи. Управляющий доносил графу Орлову: «В Воскресенское продолжается перевозка дворового леса; на берег свозят с места Рождественская волость; переправляет через Волгу Сосновенская на дощениках, а с берега до Воскресенского переважаивают сами переселенцы; дело идет медленно и работно ночами». В течение одного только 1804 г. «сломано, перевезено и поставлено в Воскресенском из Рождественской волости 240 изб, а душ 835, из Кармал 4 избы, душ 15. В Преображенское из Рождественской волости 34 избы, душ 95» [21].

В Воскресенку больше всего переселенцев прибыло из Новинок и Рождествена, в Преображенку — из Шелехмети и М. Рязани, в Покровку — из Подгор и Выползова, в Троицкое — из Аскул, в Сретенку — из Брусаян, в Воздвиженку — из Соснового Солонца, в Преполовенку — из М. Рязани. Немало было в этих селениях выходцев и из других мест Самарской Луки.

Положение крестьян, принудительно подвергнутых переселению, было в первые годы очень тяжелым даже там, где была проведена необходимая подготовка к их переводу. Показательно обращение в Усольскую вотчинную больницу с тяжелой степенью цинги крестьян из с. Воскресенки. Представители вотчинной администрации Орлова сами признавали недостаток продуктов питания и других средств существования у жителей новых степных поселков, «кои навсегда в Самаре, под окошками купецких и других домов стоя, и просят милостины. Да не то что по городу, но даже и в смежных к Воскресенскому и Преображенскому деревням и от самых работ без ведома старосты Шадрина за милостынями отлучаются... А потому и пища их должна быть весьма недостаточна» [22, с. 68].

В промежутке между массовыми переселениями и после них шла менее заметная, но постоянная перекачка людских ресурсов с Самарской Луки на левобережье Волги. С наследником В.Г. Орлова В.П. Орловым-Давыдовым связано последнее массовое переселение, осуществленное на Луке крупными помещиками в 1830–1840-х гг. Как и прежде, замысел переселения был подчинен задаче увеличения производства товарного хлеба на барской запашке. Толчком к началу передвижки населения послужил пожар в Московке в 1834 г. Вместо того чтобы снабдить погорельцев лесом, было решено перевести их на левый берег Волги в Борковское имение под Ставрополем, где было довольно строевого леса. Погоревшие жители Московки переселились туда в 1835 г., а в 1836 г. на новое место отправилась и другая половина деревни, разобрав свои уцелевшие от огня дворы и перевоза их с мирской помощью. Все это очень напоминало переселение начала века в Воскресенскую волость.

Если верить народной поговорке, что приравнивает переезд на новое место жительства к пожару, то погорельцам во владениях Орлова-Давыдова не везло в дву-

кратном размере. К уже перечисленным случаям, когда их к переселению назначали в первую очередь, следует добавить и основание деревни Благодатной на северо-западе Луки (в 1840 г.), куда переселили погорельцев из Ахтуши.

Настал черед и Жигулевской волости, которая признавалась вотчинной администрацией излишне перенаселенной, а потому неудобной к расширению барщины. Отсюда направились три потока. Первое направление – степная Преполовенская волость. Там уже издавна существовал хутор Рязанский, который использовался зажиточными крестьянами Жигулевской волости для выпаса скота. На его месте было решено основать новое село. Место было хорошо известно крестьянам и пользовалось доброй славой, поэтому желающих переселиться туда было много. Принудительного переселения здесь не было. Более того, новоселов отбирали и ставили им условия, чтобы те не имели на старом месте жительства долгов или недоимок, а при переселении не требовали помощи. Так появилось село Натальино в заволжской степи, названное в честь матери и дочери Орлова-Давыдова [23; 24].

Вторым направлением были различные селения Борковской волости за Волгой под Ставрополем. Сюда принудительно отправляли погорельцев и бедняков с помощью мира и помещика.

Третий поток перемещался на территории самой Луки. Он шел за р. Усу, в Усольскую волость. Там образовалось три выселка из Жигулевской волости, ставшие деревнями Усладой (заселена в 1841 г. из Б. Рязани), Ольгиной (заселена в 1844 г. тоже рязанскими жителями), Карловкой (заселена в 1845 г. из Валов). Жигулевская волость миром помогала переселенцам перевозить лес на постройки, но отправляла на выселки людей бедных, безлошадных или однолошадных, не имевших скота и домов. Усольский управляющий пытался потребовать от жигулевского перевода людей более состоятельных и надежных, но безуспешно.

Итоги переселения из Жигулевского имения были следующими. Во всех селениях этой волости по 8-й ревизии (1833) числилось 3376 душ мужского пола, из которых было переселено 1069 душ, или почти третья часть. Из них выведено: в Натальино – 480 душ м. п., в Борковское имение – 291 душа м. п., в Усольскую волость – 298 душ.

Переселения затронули жителей и более отдаленных владений В.П. Орлова-Давыдова в других губерниях. Основной поток переселенцев из дальних мест обходил Самарскую Луку, где оставалось мало свободных земель, и устремлялся в Заволжье. Однако часть этого потока оседала на рассматриваемых территориях. Одним из мест выхода стало село Старая Гать Епифановской волости Тульской губернии [25].

В 1841 г. 26 семей из Старой Гати (208 чел. по 8-й ревизии, а по реальному наличию – 231 чел.) поселились в новой д. Сытной в Усольской волости. Причиной переселения было малоземелье на старом месте жительства, поэтому переселялись добровольно, своим коштом, без помощи мира и помещика. На новом месте переселенцам предоставлялись готовые дома, но за них они отдавали помещику хлеб, посеянный и убранный в Ст. Гати.

Самое крупное перемещение людей в поволжские вотчины Орлова-Давыдова шло из сел Рождественского (Салтыковки) и Покровского (Обуховки) Старооскольского уезда Курской губернии. Переселенцев отбирали посостоятельнее, чтобы на месте могли самостоятельно обзавестись хозяйством, но таких нашлось немного, пришлось брать и тех, кто победнее, но всех только добровольно. Ехали через всю Россию на своих лошадях и телегах, везли скарб. Поэтому с отправлением подождали до 15 мая 1841 г., пока не появится подножный корм для лошадей. Из 250 душ м. п. переселенцев Старооскольского уезда почти половина (117 душ м. п., 265 чел. обоого пола) была поселена на берегу Волги в Аскульском лесу в новой деревне Отважной. После

неудачной попытки приспособить переселенцев к лесным промыслам в 1849 г. деревня была перенесена с сохранением старого названия в урочище Пустые Моркваши, где имелась свободная пахотная земля [18].

Накануне отмены крепостного права Орлов-Давыдов решил гарантировать сохранение собранной и приумноженной им части родовых поволжских владений в своей семье. Были начаты хлопоты об учреждении майоратов – «заповедных» имений, которые по закону не подлежали отчуждению ни под каким видом. В майораты, предназначенные трем сыновьям графа Орлова-Давыдова, отходила основная часть его владений – 210 тыс. дес., в т. ч. 140 тыс. дес. на Средней Волге. Остальные земельные владения, тоже достаточно значительные, выделялись в приданое трем дочерям [2].

Основная часть Усольской вотчины с Жигулевской и Рязановской волостями, а также с поемными лугами, займищами и рыбными ловлями, составила майорат среднего сына А.В. Орлова-Давыдова. В майорат старшего из сыновей В.В. Орлова-Давыдова вошли имения в центральных уездах России, а также Борковское имение и Натальинская волость в новой Самарской губернии, в которую в 1851 г. отошли бывшие левобережные территории Симбирской губернии. В майорат младшему сыну С.В. Орлову-Давыдову из средневожских владений не переходило ничего. Майораты сыновей графа были утверждены императорским указом в 1863 г., когда бывшие крепостные крестьяне были уже переведены на положение временнообязанных.

Падение крепостного права означало наступление важных перемен. Владения Орловых-Давыдовых, их родственников и соседей на Самарской Луке прекращали свое существование как крепостные вотчины, начав непростой процесс превращения в хозяйства капиталистической эпохи. Крепостная вотчина также переставала играть роль инициатора и регулятора крестьянских переселений.

Библиографический список

1. Кремер Н.Б. Социальные отношения и управление в крепостной Усольской вотчине Орловых, Орловых-Давыдовых (1768–1861 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2004.
2. Смирнов Ю.Н. Самарское «графство» Орловых // Самарский краевед. Самара, 1995.
3. Артамонова Л.М. Начало школьного образования и научных исследований в Усольской вотчине в конце XVIII – первой половине XIX в. // Самарский земский сборник. Вып. 3. Самара, 1996.
4. Артамонова Л.М. Устройство больниц для крепостных крестьян в конце XVIII – середине XIX в. (по материалам средневожских владений Орловых и их наследников) // Проблемы изучения взаимосвязей города и деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2009.
5. Артамонова Л.М. Строительство каменных храмов в Усольской вотчине В.Г. Орлова в начале XIX в. // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1997. № 2–3.
6. Шульгин В.П. Графы Орловы-Давыдовы и крестьяне их Усольской вотчины // Черный перелом. Самара, 1992.
7. Артамонова Л.М. Труды австрийского врача в вотчинной больнице начала XIX в. и его искушение крепостным правом // Крестьянство и власть в России (IX – начало XX в.): к 150-летию отмены крепостного права. Липецк, 2011.
8. РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 845. Л. 43.
9. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1422. Л. 136–137.
10. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 418. Д. Е–3; Ф. 1273. Оп. 1. Д. 3333.

11. РГБ ОР. Ф. 219. Кар. 3. Е.х. 4. Л. 1–2 об.
12. РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 555. Л. 10 об.; Ф. 1274. Оп. 1. Д. 3309. Л. 3.
13. РГБ ОР. Л. 3 и об.
14. РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1285.
15. Смирнов Ю.Н. Самарское «графство» Орловых.
16. Смирнов Ю.Н. Заволжье во второй трети XVIII – первой половине XIX в.: от пограничья до «внутренней губернии» Российской империи // Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX в.) Самара, 2007.
17. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 931. Л. 31–32 об.; РГБ ОР. Ф. 219. Кар. 3. Е.х. 4. Л. 1 об. – 2.
18. Самарская Лука в XVI – начале XX в. / Ю.Н. Смирнов [и др.]. Самара, 1995.
19. Смирнов Ю.Н. Освоение Самарского Поволжья в последней четверти XVIII – начале XIX века // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М., 2000.
20. ГАУО. Ф. 147. Оп. 7. Д. 26. Л. 28 об.; Оп. 7. Д. 5. Л. 33, 64 об. – 65.
21. ГАУО. Ф. 147. Оп. 7. Д. 26. Л. 29 об.; Оп. 6. Д. 7. Л. 417.
22. Артамонова Л. М. Лекарь из Вены на Самарской Луке // Самарский краевед. Самара, 1995.
23. РГБ ОР. Ф. 219. Кар. 13. Е.х. 11. Л. 1 об.
24. РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 3320.
25. РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 1064.

*Yu.N. Smirnov**

**LARGE SERF PATRIMONY AND LAND-RECLAMATION OF THE MIDDLE
VOLGA RIVER BASIN REGION IN THE LAST THIRD OF XVIII – FIRST PART
OF XIX CENTURIES (BASED ON THE MATERIALS OF THE ORLOVS AND
THE ORLOV-DAVIDOV'S' ESTATES IN SAMARSKAYA LUKA REGION)**

The article deals with history of formation, growth, division of the largest landowners' estates of the Volga region belonging to the Orlovs and Orlov-Davidovs. The role of the owners of serf patrimonies and their peasants in the settlement and land-reclamation in the South-East of European Russia is shown.

Key words: Russia in XVIII–XIX centuries, history of Volga region, colonization, large landowner's estate, serfdom.

* *Smirnov Yuri Nikolaevich* (smirnov195503@yandex.ru), the Dept. of History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.